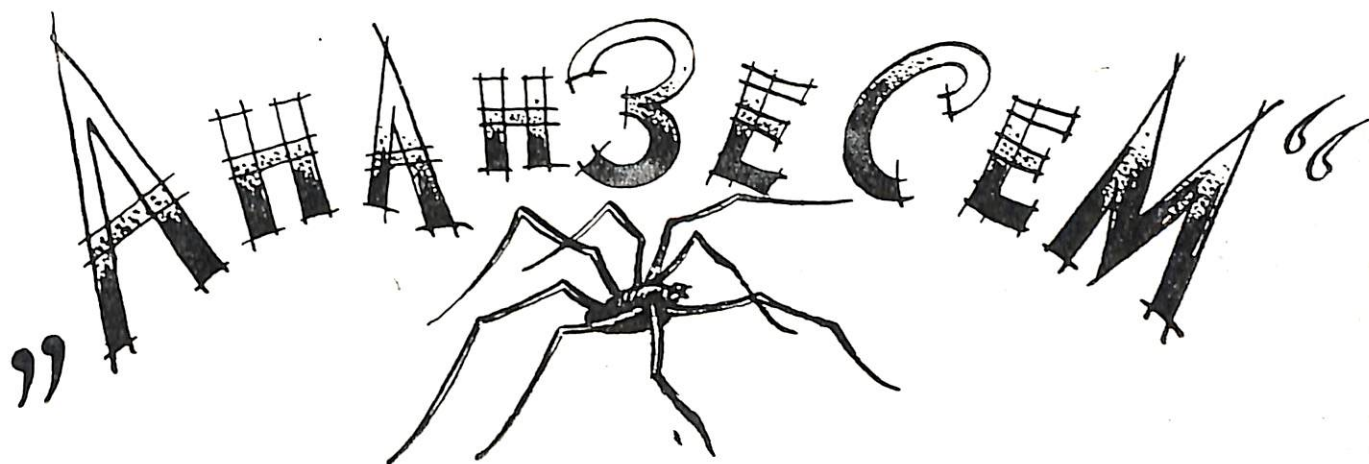




(Заметки о фольклоре ашанти)

В. АРТЕМОВ

Погасло неистовое африканское солнце. На тропические джунгли Ганы опускается бархатная южная ночь. Люди разгибают натруженные спины и возвращаются домой, на отдых. Проходит немного времени, утолены голод и жажда. Стало совсем темно. Затихли звуки в лесах, уgomонилось все живое, природа замерла и погрузилась в сон. Спит и Ананзи — сказочное существо, получеловек-полупаук, обладающий монополией на все до единой сказки и истории на свете. Он ничего не услышит. Теперь можно приступить к сказкам.

Загорается большой костер. Огонь трещит, языки пламени взлетают вверх и искрами растворяются в черной пропасти ночи. Мерно льется речь рассказчика. Ее прерывают громкий смех и одобрительные возгласы довольных слушателей. Сказка сменяет сказку. И каждая начинается с упоминания о том, что это сказка Ананзи. Такоза традиция, зародившаяся в незапамятные времена вместе с правилом, что сказки нельзя рассказывать до тех пор, пока на небе не зажгутся звезды.

Ананзи — любимый и главный герой устного творчества народа ашанти. «Ананзесем» — так называют ашанти свои сказки и бесчисленные истории, хотя в них и не обязательно участвует сам человек-паучок. Должно быть, этого требуют права собственности Ананзи на весь сказочный материал.

Образ Ананзи весьма оригинален. Очень трудно представить себе, что же он такое — человек или животное. Пожалуй, его нельзя было бы изобразить как существо с туловищем паука и человеческой головой. Живет Ананзи жизнью человека, за ним водятся чело-

веческие грешки, он страдает чисто человеческими пороками. Но стоит ему почуять опасность, стоит лишь сложиться каким-то неблагоприятным для него обстоятельствам, и в нем просыпается его второе «я». Ананзи становится пауком и забивается куда-нибудь в темный угол, в густую траву. Бывает, однако, и так, что рассказчик вдруг говорит, что, мол, Ананзи — в сущности паук, а потому и делает то-то и то-то.

Противоречив образ Ананзи и внутренне. Трудно решить, положительный или отрицательный это герой. Впрочем, тот же самый вопрос возникает и тогда, когда мы говорим о героях популярных сказок других народов: Канчиле (Индонезия), Кролике (Бирма), Братце Кролике (США, Вест-Индия) и т. д.

Многие сказки, без сомнения, говорят об Ананзи с явной симпатией. Здесь он смел, умен, ловок и энергичен. Хоть и проскальзывают тут кое-какие отрицательные черточки, они не бросаются в глаза, не кажутся значительными. В памяти остается лишь задорное, веселое, сильное. В этих сказках Ананзи выглядит героем, заслуживающим всяческого подражания. В других сказках, наоборот, на первый план выдвигаются совсем иные черты человеческого характера: корыстолюбие, лень, заносчивость, эгоизм, хвастливость, трусость. Здесь Ананзи лишен героического ореола. В его лице высмеиваются недостатки и пороки человеческой природы, он жалок и смешон.

В двух предлагаемых вниманию читателей сказках раскрываются основные черты характера Ананзи.

В первой сказке мы знакомимся с Ананзи хитрым. Он находчив, изобретателен и изворотлив, терпелив и напорист. В стремлении к намеченной це-

ли Ананзи не знает преград. Он безжалостен, даже жесток, и не останавливается ни перед чем. Однако последнее воспринимается как второстепенная деталь и не привлекает к себе внимания.

Во второй сказке Ананзи — скряга и самодовольный эгоист. Он хочет вознестись над прочими людьми. Нелепая затея кончается крахом. Герой вынужден признать, что он ничуть не лучше простых смертных. Тогда в нем просыпается злоба. Ананзи предстает перед нами в самом неблагоприятном и смешном виде, и в голову не приходит мысль о том, есть ли у нашего героя хорошие черты.

Вот второй Ананзи. Две сказки — два Ананзи. И все же Ананзи один. Легко поверить, что первый Ананзи, по сходной цене скупивший все сказки на земле, не ограничится этим. Тщеславие может толкнуть его на попытку захватить для себя одного всю человеческую мудрость.

Много, казалось бы, слышали мы гимнов человеческому разуму, много знаем притч о людях, «гордыней вознесшихся», а вот вам сказка про Ананзи, загоревшегося мечтой стать единственным мудрецом на земле, — и старая тема раскрыта по-иному.

Сказка о мудрости незольно наводит на мысль о диалектике человеческого знания. Народный разум произвольно сумел подметить ее и осмыслить в художественных формах. При всеобщности и неограниченности человеческого разума вообще — познания одного человека имеют границы. Самонадеянный невежда, не желающий вместе со всеми собирать мудрость по крохам, станет в конце концов всеобщим посмешищем.

Если сказка «Почему мудрость по всему свету разбросана» представляет для нас интерес с такой, можно сказать, философской, точки зрения, то вторая — «Почему все сказки принадлежат Ананзи» — интересна тем, что в ней отразились отдельные черты общественной жизни народа ашанти. Речь, конечно, может идти об общественной жизни ашанти того времени, когда складывались эти сказки.

Устное народное творчество всегда может дать нам множество интереснейших сведений о жизни народа — его коллективного автора. В произведениях фольклора обязательно скажется и особый склад ума, и специфические черты быта, и психология народа. В них отразится вся многовековая история страны. Иначе и быть не может, тем более у народов, не успевших создать своей литературы. Особенно много читатель почерпнет из сказок сведений о том, как живет и трудится этот народ, узнает о его горестях и радостях, познакомится с природой страны.

Страна ашанти располагается в центре Ганы — бывшей английской колонии Золотой Берег. Это приподнятое над берегом моря и продолжающееся на север саваннами плато. Плоскогорье Ашанти покрыто густыми лесами. Высокие деревья стоят тесно

сомкнутым строем. Верхушки их переплетаются между собой и образуют такую густую крышу из листьев, что солнце с трудом пробивается сквозь них. В лесу царит полумрак. Зато как светло на полянах, на опушках леса, где начинается обработанная человеком земля, плантации! В этих местах много влаги — беда только, что распределяется она неравномерно. Чем дальше в глубь континента, тем реже выпадают дожди. А стоит подуть знойным пассатам из Сахары — мелеют реки, трескается земля, и ничего не родит она людям. Наступает страшное голодное время.

Как правило, в тех краях люди вынуждены снимать урожай еще до срока: слишком нерегулярны урожайные годы, слишком малы запасы. Так, например, самую распространенную там культуру — ямс сажают в период дождей (в январе—феврале), а созревает он к ноябрю—декабрю. Однако коренные жители Ганы начинают собирать ямс уже в сентябре — еще неспелым. Голод — частый гость у ашанти. Вот почему тема борьбы с голодом, типичная для фольклора большинства народов Африки, занимает так много места в устном народном творчестве ашанти.

Ашанти — преимущественно народ земледельцев. Поэтому в их сказках чаще встретишь мотыгу и поле, чем корову и загон для скота. И Ананзи почти всегда выступает перед нами завзятым земледельцем, а его поле или поле его соседей превращается в сцену действия сказки.

Сказки ашанти заметно отличаются от сказок многих других народностей Африки. Если, к примеру, сказки банту очень похожи на бытовые рассказы, приукрашенные фантастическими деталями, то ашанти в своих сказках отходят от конкретных жизненных описаний. У них гораздо больше обобщений, чаще встречаются сказки-притчи. Возможно, это следует объяснить разницей в уровне культуры.

Ашанти относятся к числу тех народов Черной Африки, которые к приходу поработителей-колонизаторов достигли высокой степени развития. Археологи утверждают, например, что в те времена, когда наши далекие предки орудовали каменным топором, ашанти умели выплавлять железо и инкрустировать железные изделия медью. В XVIII веке у них уже имелось свое государство, постоянная армия, был широко распространен рыночный обмен. У ашанти были свои поэты, знаменитые музыканты, танцоры, певцы. Они выработали сравнительно стройную систему представлений об окружающем их мире. Последнее широко отразилось в их фольклоре. Сказки ашанти, как и сказки всех народов земли, говорят о начале вещей, начале мира, дают толкование явлениям природы, объясняют происхождение обычаев и законов.

Те, кто знает язык ашанти и слышал, как они рассказывают свои сказки, передают, что эти сказки в записи многое теряют. Исчезает свойственная им эмоциональная окраска. Объяснение этому нужно ис-

кать в особенностях языка. Напрасно стали бы ловить в нем привычные европейскому уху ударения. Их нет. Язык ашанти — один из языков суданской группы — заменяет ударения и вспомогательные частицы многотональностью. Каждый отдельный слог имеет свой собственный музыкальный тон. Вместо выделения ударных слогов и центральных слов в предложении ашанти употребляют падающий или повышающийся тон, который отмечает начало или конец слова. Невозможно сказать, как правильно произносить: «ашанти», «ашан́ти» или «ашант́и» — значение слов зависит от тональности речи. Многообразие тональности в сочетании со страстностью рассказчика создает непередаваемый эффект. Запись — а тем более ее перевод, да еще двойной, — безусловно, лишает сказки ашанти значительной доли прелести.

И, наконец, — чего никак нельзя упускать из виду, говоря о сказках ашанти, — они замечательны и тем, что их герой Ананзи стал самым настоящим родоначальником целой плеяды сказочных героев у народов других стран. Ашанти были одними из основных жертв работорговли. Уроженцы Золотого Берега попадали и в Северную и в Южную Америку, и в Вест-Индию. Вместе с ними пришли сюда и сказки. Мотивы этих сказок и их герой оказались более стойкими, чем язык, обычаи и религия их создателей. Все это было забыто, а Ананзи остался. Время, конечно, не прошло мимо него. В Вест-Индии он живет под именем Аунт-Нэнси, в США он стал Сестрицей Нэнси, а на Ямайке сохранил собственное имя — Ананзи. Но как бы время и обстановка ни меняли его имени, содержание образа остается прежним.



Почему все сказки принадлежат Ананзи



Сначала все на свете сказки, все истории принадлежали Ньяме, Владыке Неба. Но вот Ананзи, паук, захотел завладеть всеми сказками. Пошел он к Ньяме и предложил, чтобы тот продал их.

Владыка Неба сказал ему: «Я бы продал тебе сказки, но ведь стоят они очень дорого. Многие уже приходили, приценились, но расплатиться никто не смог. Даже богатые и могущественные семьи не смогли. Думаешь, ты сможешь?»

Ананзи ответил Владыке Неба: «Смогу. А что ты просишь?»

— Я прошу за сказки вот что. Во-первых, мне нужны Ммоборо, осы. Потом ты должен принести мне Онини, большого питона. Ну и, в-третьих, добудь мне Осебо, леопарда. Как только они будут у меня, считай сказки своими!

Ананзи сказал: «Ну что ж, ты их получишь». Пошел домой и стал думать. Думал, думал и придумал. Взял Ананзи сухую тыкву и продолбил в ней маленькую дырочку. Потом наполнил водой большой кувшин и по-

шел в лес. Пришел он к дереву, в котором жили осы, полил на себя воды, чтобы она капала с него, потом побрызгал на ос, чтобы и они мокрыми стали. Тогда Ананзи надел на себя кувшин, как будто спрятался от дождя, и крикнул осам:

— Вы что, дураки, что ли? Зачем вы под дождем мокнете?

Осы отвечают ему:

— А куда же нам деваться?

— А прячьтесь сюда, в эту сухую тыкву.

Поблагодарили его осы и сквозь дырочку влетели в тыкву. Как только последняя оса скрылась в тыкве, Ананзи заткнул отверстие комочком травы и ну хохотать: «Да вы и в самом деле дурни!»

Принес Ананзи тыкву с осами к Ньяме, Владыке Неба. Владыка Неба взял ос и говорит: «Тебе остались еще две задачи».

Ананзи вернулся в лес, срезал длинный-предлинный бамбуковый шест и несколько гибких прутьев. Потом пошел к дому Онини, а сам бормочет себе под нос: «Ну и глупая у меня жена. Я ей говорю, что он длиннее и